

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние несколько десятилетий в мире набирал силу информационно-коммуникативный компонент. Социосистемы принялись опираться на него в решении своих насущных задач. Политика, экономика, бизнес, военное дело приняли его, сделав своим инструментарием. Сначала он был мультипликатором имеющихся в их распоряжении сил, а потом сам стал главной силой.

Практически все существенные трансформации современного мира прошли с помощью информационно-коммуникативного инструментария. Это и перестройка, и бархатные и цветные революции, а также «революции», прокатившиеся с помощью социальных сетей.

Книгопечатание, разбудив национализм, создало разделение мира на государства. Интернет и соцсети порождают безлидерские революции, ставшие новым феноменом нашего времени.

Инструментарий информационных войн вполне актуален и для мирной жизни, поскольку этим путем вводятся нужные социальные изменения. Социосистемы подталкиваются к новым состояниям именно этим образом.

Мир перестал быть таким, каким он был раньше всего лишь несколько десятилетий назад. Поэтому не все страны оказались одинаково готовыми к этим изменениям. Но без учета этих трансформаций невозможно адекватно жить в измененном и трансформированном мире.

Глава первая

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЦИОСИСТЕМЫ

Информационная составляющая трансформации социосистем

Информационная война является самым интеллектуальным вариантом военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом. И сила, и слабость здесь лежат в когнитивных возможностях человека. Если обычная война нацелена на тело человека, то информационная или смысловая — на его разум.

Однако элементы информационной войны присущи и многим вполне мирным ситуациям. Это и выборы, особенно президентские, это и войны брендов, это и инструментарий паблик рилейшнз, который по сути своей является мягким вариантом информационной войны, поскольку так же, как и пропаганда, например, наиболее эффективен, когда является незаметным.

В социосистеме можно выделить, как базовые, три ее компонента: информационный, политический и экономический. Важность информационного компонента по отношению к политическому и экономическому вытекает из базовости «ядерной» информации по отношению к структуре, на которой она выстроена, отмеченной Дж. Аркиллой [1]. Поменяв «базу», как следствие, придется менять и структурную надстройку. Наиболее близким примером является для нас перестройка, которая меняла информационную и виртуальную базу.

Все интенсивные трансформации социосистем строятся именно на интервенциях в это ядро. Все цветные и бархатные революции, начиная с их прообраза — революции в Ира-

не в 1953-м, строились на трансформации Информационного компонента, что в результате вело к трансформации Политического и Экономического компонентов.

Реально в этом случае Информационный компонент подстраивался под как бы будущее состояние социосистемы, к точке, где данная власть будет полностью делегитимизирована, то есть отнюдь не отражает сегодняшнюю реальность. Вдруг он начинает отражать как бы будущую реальность. И уже оттуда начинал трансформировать под себя политику и экономику. Но на данном этапе перехода следует защищать информационный компонент, либо сделав его невидимым (например, пользуясь слухами или социальными сетями), либо правовыми методами (например, концепцией свободы слова), либо финансовыми (независимое финансирование)

В ответ всегда будет давление на информационный компонент, чтобы заставить его действовать синхронно с политическим и экономическим. В норме так и бывает, когда все три компонента соответствуют друг другу. Но в критические моменты, например — перестройка или оттепель, именно информационный или виртуальный компоненты начинают «бахлять» с точки зрения большой системы.

Есть еще четвертый компонент, который можно обозначить как Массы. Именно его пытаются активировать во время любых революций. Происходит то, что можно обозначить как ПЕРЕХВАТ УПРАВЛЕНИЯ. Если в норме управление идет из политического и экономического компонента, то в процессе перехвата управления соответствующие импульсы как бы вдруг начинают идти от Информационного компонента или от компонента Массы.

В советское время такую функцию как бы независимого компонента пытались играть диссиденты, позволявшие себе в жесткой тоталитарной системе критику советского строя. Однако, не имея выхода на советские массовые коммуникации, это не было успешным вариантом информационного потока. Драматург А. Гельман говорил, что пьесы и кино сделали больше для будущей перестройки, чем диссиденты (программа «Художник и власть» на канале «Совершенно секретно»,

14 мая 2014 г.). И это понятно, поскольку они имели массовое распространение, а диссидентов мало кто знал.

Советский Союз мог удерживать диссидентов вне своего публичного поля достаточно просто, имея систему цензуры. Но сегодня, когда появился резко менее контролируемый властью вариант коммуникаций — интернет, такая практика была бы невозможной. И это говорит о том, что СССР все равно бы с неизбежностью распался, хотя и с опозданием на двадцать лет.

Сегодня мир скатывается в период очередной холодной войны, поскольку, с одной стороны, он был более прост для управления, имея не многополярность, а только двуполярность, поскольку «горячие» конфликты были только на периферии. С другой стороны, продвижение западных ценностей в виде, например, демократии натолкнулось на мимикрию этого на постсоветском пространстве. Российский концепт «управляемой демократии» оказался более удобным для лидеров этого пространства. Эффект этого двойного управления, когда и демократия и верховенство права остаются чисто вербальными обозначениями, поскольку все основные решения принимаются в советской модели жесткой иерархии и соответствующей ей монологической коммуникации, привел ко всем тем последствиям, которые мы сегодня имеем. Недовольство общества зашкаливает, но тормозится тем, что все научились произносить правильные слова.

Когда нет демократического управления, а оно требует более сложных структур и инструментов управления, чем просто физические действия (от стучания кулаком по столу до арестов), происходит постепенное накопление нестабильности. Когда все начальники заняты зарабатыванием денег, если не на свой золотой батон, то на свой золотой бублик, система не будет двигаться вперед.

Советский Союз для управления пользовался, условно говоря, Экраном, под которым будет иметь в виду пропаганду, постсоветское пространство — Прилавком. Но Запад для стабилизации добавлял к этому сочетанию Зарплату, поскольку еще в момент создания общества потребления олигархи того времени поняли, что они не смогут наращивать производст-

во, не обеспечив потребителя деньгами для наращивания потребления. Это была не только зарплата, но и разного рода кредитные схемы, что и создало тот вариант Запада, который мы имели. То есть мы взяли не все западные компоненты, получив в результате

Таким образом и Советский Союз, и постсоветское пространство являются неустойчивыми образованиями, поскольку СССР мог компенсировать свои недостатки пропагандистской составляющей, которой нет у постсоветского пространства.

Ничего нового в пропагандистском воздействии, кроме новых средств доставки сообщений, мир не знает. Постепенно сменялись именно средства доставки сообщений. Сегодня мы имеем сочетание таких трех новых средств: телевидения, интернета и протестующей улицы. Последний компонент мы именуем новым, поскольку в нынешних реалиях уже нельзя, как сто лет назад, просто расстрелять протестующих. Именно поэтому он и начинает играть новую роль.

Именно сочетание физического пространства (улица) и информационного (телевидение, интернет), а также виртуального (борьбы за справедливость) создают тот взрывоопасный вариант, на который не может адекватно реагировать власть, поскольку современная власть уже не имеет того инструментария, который был распространенным более ста лет назад — расстрела демонстрантов. То есть физический инструментарий получил серьезные ограничения. Одновременно, как следствие, существенное развитие получил информационный инструментарий, а также виртуальный.

У западного мира была в этой модели управления еще одна существенная задача — создать общество потребления, которое бы позволило не только удовлетворить граждан, но и сделать процесс производства бесконечно растущим. Те методы, включая ПР и рекламу, которые для этого возникли, не нужны были Советскому Союзу, поскольку он имел, наоборот, дефицит потребления. Поэтому Советский Союз вложил свои умения в виртуальное производство — качественные литература, искусство, кино порождали мир счастья, который не нуждался в наращивании физического потребления, по крайней мере, мог его каким-то образом компенсировать..

Советский Союз заменил физический вариант счастья в виде потребления виртуальным. Он закрывал физический разрыв с Западом не только железным занавесом, но и железной аргументацией, где было две важные составляющие: ВРАГ и СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ. ВРАГ всегда мешал счастью в сегодняшнем дне, что позволяло объяснять отсутствие этого физического варианта счастья, но зато не только не было войны, но было и СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ.

Каждая идентичность базируется и на своем достаточно определенном прошлом. Для этого из прошлого берется то, что соответствует сегодняшней модели мира. Германия видела в истории свое арийское прошлое, СССР первоначально откидывала всю русскую классическую литературу, сбрасывая ее с «корабля современности». Кстати, в критические периоды вдруг происходит расширение этой исторической базы: СССР в период войны вспомнила и русских полководцев, и русскую православную церковь. Это расширение «базы», даже внезапное, позволяет усилить единство населения. На бытовом уровне это можно понять так: достается спрятанное, поскольку все остальное уже было использовано.

В прошлом близкий инструментарий использовали и римляне. Они включали новых богов захваченных территорий в свой пантеон, хотя и на второстепенные роли, что резко снижало последующее сопротивление нового населения. Как видим, религия и идеология опираются на близкие механизмы, то есть виртуальное пространство подчиняется единым законам.

Реально это все равно трансформация виртуального пространства, поскольку «мои» боги смещаются на маргинальные позиции, хотя и продолжают называться богами. Но виртуальное пространство все равно постоянно подвержено мутациям. Например, А. Лазарчук пишет о создании истории Америки не по реалиям, а по кинособытиям: «Это создание вестерна или создание мифа о мафии. Понятно, что точкой отсчета все равно была реальность, но одна реальность начинает гиперболизироваться, подавляя все остальное». Он справедливо замечает [2]: «Шло массированное замещение реальной памяти памятью мифологизированной».

Практически тот же процесс прошло и российское кино и телевидение, создав образ сталинского времени, которое, как и вестерн, оказалось выгодным для повышения уровня зрелищности повествования. Вероятно, важным компонентом подобных массовых жанров становится использование в сюжете смерти. А показ смерти, как установлено в таком направлении, как теория менеджмента террором, меняет поведение тех, кому она демонстрируется. Сюжетное «право» на смерть есть в детективах, вестернах и рассказах о сталинском времени.

И еще одна особенность. Если Ленин был всегда живым раньше, то в сегодняшнем кино вечно живым стал Сталин, о чем много и с технологических позиций пишет Д. Дондурей, который считает это сознательным подходом современной власти в России, поскольку все это возрождает патерналистскую зависимость граждан от государства.

Интересно на близкую тему высказался режиссер мультипликационного кино Г. Бардин [3]: «Мы сейчас все это глотаем оттого, что не распрощались с прошлым умно и честно. Надо было, чтобы КГБ покаялся, а не выдвинул наверх своего гордого сына Путина. Как так: чтобы выходец из КГБ стал руководить страной, которая была смята тем же НКВД, пролившим море крови?! Он гордится этой историей, а я — нет. У нас разное детство, мы читали разные книги, у нас разное воспитание, поэтому нам с ним никогда не сойтись. И сейчас что ни сериал, герой — кагэбэшник. Лизоблюды-режиссеры стали повсюду славить эту профессию».

Очень сильную роль в переносе этой модели мира на постсоветское пространство в целом играет и русский язык. М. Руднев, к примеру, приводит следующие результаты исследований по сближению ценностей в наше время [4]: «Титульное население каждой из 4 рассматриваемых стран отличается от россиян сильнее, чем русскоязычные, живущие в этих странах. В Эстонии титульное население отличается от россиян по 9 ценностям, а русскоязычное — по одной, то есть соотношение 9:1, в Израиле это соотношение 9:5, в Украине — 9:5, в Латвии — 8:7. То есть русский язык определенно играет важную роль в формировании и закреплении ценностей,

и связано это может быть с недавней историей. После распада СССР прошло немало времени, но до сих пор у живущих за пределами России русскоязычных людей не сложилось сильной идентификации с титульными народами и государствами. Выросли поколения, во многом воспроизводящие российскую (советскую) культуру».

Все это не является страшным, когда эти ценности остаются в рамках культуры. Когда же такие установки начинают влиять на политику и экономику, возникает элемент непредсказуемости развития социосистемы. По крайней мере, начинает присутствовать определенная ее расбалансировка. Дестабилизация системы имеет много источников, и это один из них.

Зинаида Гиппиус в своих воспоминаниях приводит в качестве примера такой работы опыт Гитлера [5, с. 222]: «Метод Гитлера, — «5-я колонна», подготовка внутреннего разложения страны, которую он хочет победить, — очень стар. Идет из Германии же, впервые применен в 1917 году. Насажение разлагающего «правительства» (Куусинен, Квислинг) имело тогда оглушительный успех, если не помогло победе Германии, то лишь потому, что запоздало немного. Но вывело целую Россию из строя и — это ли не успех? — сделало ее через 20 лет годной в союзники Германии».

Сегодняшняя поддержка Путина, когда достигнуты ошеломительные результаты, порождает справедливые вопросы: как может быть такая поддержка власти при идущем экономическом ухудшении? Причем в стране сегодня достигнут наибольший разрыв между богатыми и бедными, когда 110 человек держат в руках 35% собственности [6]. М. Снеговая предлагает следующее объяснение, исходя из имеющихся на сегодня исследований [7]: «новая информация воспринимается нами лишь тогда, когда не угрожает нашим политическим взглядам или целостности нашего мировоззрения. Это ловушка сознания: нам трудно отказаться от идей (пусть и ложных), которые лежат в основе нашего мировоззрения». И далее: «В авторитарных системах ситуация усугубляется тем, что правдивая информация о режиме не находится в открытом доступе (основные СМИ контролируются властью). Чтобы ее найти, нужно прилагать усилия. Граждане, которые охотнее ищут

дискредитирующую режим информацию, — это люди, которые уже изначально негативно настроены к режиму. И наоборот, сторонники режима не склонны заниматься поисками компрометирующей режим информации. Более того, негативные факты, доведенные до сведения сторонников режима, как правило, ими не усваиваются и не меняют их взглядов».

Получается, что стойкость авторитарных режимов базируется как на цензуровании информации, так и на нашей информационной «физиологии», когда сознание не готово воспринимать информацию, которая противоречит уже усвоенному. Поэтому вполне понятной для России можно признать акцию борьбы с врагами, которых называют то национал-патриотами, то пятой колонной, то шестой, а то и просто либералами.

Последней «креативной» акцией этой борьбы стала следующая [8]: «Сообщество «Главплакат» продолжает акцию «Чужие среди нас», внушая гражданам России, что оппозиционные политики, журналисты и деятели культуры сродни отвратительным чудовищам-захватчикам. Спустя два месяца после вывешивания огромного баннера на «Доме книги» на Новом Арбате с изображением пяти оппозиционеров в виде инопланетных существ, люди в масках пришельцев раздавали прохожим на Пушкинской из огромных муляжей яиц почтовые открытки серии «Чужие среди нас» с изображением 49 оппозиционных политиков, журналистов и деятелей культуры. Экземпляры таких открыток были отправлены главным редакторам ведущих СМИ, включая тех, кто сам вошел в список «чужих». Судя по реакции сотрудников полиции, акция была согласована на высоком уровне». И это вновь информационное решение, которое, несомненно, является более мягким, чем у товарища Сталина: оппозиционеров всего лишь объявили инопланетными существами.

Информация способна не только отражать реальность, она столь же активно может создавать новую реальность, которой до этого не было. Информация становится катализатором появления этой новой реальности. И информация более легко управляема, чем реальность, поскольку обладает меньшей инерционностью, ведь она меняется ежеминутно и ежечасно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arquilla J., Ronfeldt D. Looking ahead: preparing for information-age conflict // In Athena's camp. Ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 1997

2. Лазарчук А. Голливуд как машина реальности. Часть 2 // terra-america.ru/hollywood-kak-mashina-2.aspx

3. Бардин Г. Я надеялся, что здравомыслящих людей больше. Напрасно надеялся. Интервью // www.novayagazeta.ru/arts/63513.html

4. Руднев М. О великий, могучий, правдивый... // www.ng.ru/stsenarii/2014-04-22/10_language.html

5. Гиппиус З. Язвительные заметки о Царе, Сталине и муже. — М., 2014

6. Бувев М. Путь к патриархальному капитализму XIX века // www.vedomosti.ru/opinion/news/27226521/vozvrashchenie-viktorskoj-epohi

7. Снеговая М. Может ли целое общество попасть в ловушку сознания // www.vedomosti.ru/opinion/news/27226481/v-lovushke-soznaniya?full#cut

8. Эйсмонт М. От людей к существам // www.vedomosti.ru/opinion/news/27105011/ot-lyudej-k-suschestvam

Антропологические революции и их информационный и виртуальный инструментарий

Под антропологическими революциями мы будем понимать принципиальные изменения в поведении людей, которые рассматриваются как отдельные этапы в развитии человечества. Наиболее известными из них являются неолитическая и промышленные революции. Неолитическая революция из охотника сделала крестьянина, а промышленная из крестьянина — рабочего. В результате возникли принципиально отличные типы поведения. Это был нелинейный переход.

Сегодня наука уже не столь категорична в понимании, почему это произошло. Оказалось, например, что сельское хозяйство более «затратное», требует больше килокалорий, чем простая охота. А что касается промышленной революции

Г. Кларк (его сайт — Gregory Clark // www.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark) установил, изучая английские завещания того времени, изменения в головах людей произошли до, а не после промышленной революции. Люди стали больше внимания уделять, например, образованию и гигиене. Их дети учились и выживали гораздо лучше, чем до этого. И промышленная революция была уже следствием, а не началом процесса (Clark G. *A farewell to alms. A brief economic history of the world.* — Princeton, 2007).

В одном из своих интервью Кларк отмечает, что до 1800 г. англичане вообще не купались. В промышленном мире в семье выживали в среднем не более двух детей. Но среди богатых выживали больше, среди бедных меньше. Таким образом богатые берут верх в обществе биологически. А промышленную революцию исследователь выводит из изменений в культуре, а не наоборот, как нас учили в школе.

Еще один его вывод таков: общества охотников-собираателей не могут адаптироваться к современной капиталистической экономике. Как пример он приводит австралийских аборигенов, где в результате такого внезапного перехода возрос уровень бедности, алкоголизма, наркотической зависимости. То есть они совсем не вписались в новый общественный строй.

Мы можем экстраполировать эту ситуацию на нашу страну, которая тоже не может нормально функционировать при капитализме, который внезапно появился. Можно также вспомнить, что такие умения появились только у людей, которые были в стороне от нормальной тогдашней работы (типа Р. Абрамовича, который имел на себе уже и уголовное дело). То есть комсомольские кооперативы и теневики не только создали финансовые интересы, которые толкали систему в новое состояние легализации этих доходов, они породили типаж людей, оказавшихся впереди, на следующем этапе развития. И только им удалось выиграть в этой новой ситуации. То есть теневая экономика и теоретики (Гайдар — Чубайс) породили новый строй. Идеология теневой экономики объединилась с идеологией антикоммунизма.

Новый строй тоже надо уметь легитимизировать. Перестройка была создана, но важным элементом таких искусственных переходов становится невозможность вернуться в исходное состояние. Именно поэтому считается необходимым, например, вводить шоковые методы (*Klein N. The shock doctrine. — New York, 2007*). Поэтому шоковая терапия была применена во всем мире при переходе к либеральному капитализму.

А. Проханов отмечал, что ГКЧП была нужна для легитимной передачи власти от Горбачева к Ельцину. Другого варианта просто не было. Тогда и вариант оранжевой революции в виде третьего тура голосования тоже можно рассматривать как вариант легитимной передачи власти по разрыву «наследственности». И Ельцин, и Ющенко, получив власть, довольно активно пытались выполнить функцию разрушения предыдущего этапа.

Мы имеем каждый раз однотипную ситуацию с такими компонентами:

- новая идеология (новое видение),
- группа адептов, которые работают, в частности, властных позиций,
- расширение этой идеологии на все общество.

Это не только перестройка, но и, скажем, события 1917 г. и введение христианства. В период своего распространения христианство также воспользовалось организационным ресурсом власти при императоре Константине.

Такую же модель мы можем увидеть во влиянии на общество со стороны известного сатаниста А. Кроули, который, как считается, подтолкнул на Западе как эру рок-н-ролла, так и все движение New Age (см. *Spence RB Secret agent 666. Aleister Crowley, British intelligence and the occult. — Post Townsend, 2008*). Кстати, хотя в то время он уже был мертв, это не помешало ему попасть на обложку пластинки «Битлз» и стать вдохновителем многих других известных музыкантов.

Возможно, здесь сошлись два протестных движения. Кроули был представителем контркультуры, как и музыканты. Вообще считается, что протестные музыкальные движения того

периода создавались специально: они позволили отвести политическое напряжение в культурную плоскость. Как ни парадоксально, такую же функцию выполнили зеленые накануне распада СССР. Как констатируют исследователи: «В 1960—80-х было нашествие подобных проектов: от экологов и защитников памятников к активистам «новой педагогики» и бардовской песни. В то время власть была вынуждена пойти на «раскручивание гаек» в области общественных движений, чтобы помешать потенциальному уходу недовольных и энергичных в реальное протестное движение (не только диссидентство, но и терроризм)». (Советские «зеленые»: волонтерство под крылом партии и КГБ // tfolk.ru/?p=15495)

Интересно, что был еще один путь «деактивации» протестности. В 1950—60-е главным по количеству было рабочее протестное движение. Но диссиденты-интеллигенты «приватизировали историю протестного движения в СССР». Ведь все внимание было приковано именно к ним, поскольку они несли политические требования, а все остальные протестные движения — нет.

Кстати, не только диссиденты интересовали чужие спецслужбы. Например, главный эксперт ЦРУ Ф. Ермарт говорит, что антиалкогольная кампания времен Горбачева была такой же интересной, как и проблема количества баллистических ракет (*Эрмарт Ф. Антиалкогольная кампания в СССР нас интересовала не меньше, чем ваши ракеты. Интервью // Известия. — 2004. — 12 марта*). И с некоторых глав этого доклада о развитии советского общества до сих пор не снят гриф секретности.

Сегодня интенсивные изменения вводятся исключительно при помощи создания новой картины в мозге человека. Например, известный политтехнолог А. Ситников вспоминает рассказ бывшего директора ЦРУ Д. Геттингера. (Ситников А. Я учил Наину Иосифовну, как не стать Раисой Максимовной. Интервью // www.sitnikov.com/sitnikov/publication/?id=203). Еще в 60-е годы американцы стали искать эмоции и ассоциации для слов «мать», «родина», «деньги», «США» у советских людей. Это было нужно, чтобы найти пути, которыми можно было изменить негативную реакцию на США на позитивную.

Такая же проблема возникла после 11 сентября в связи с изменением отношения мусульманских стран к США. Тогда была развернута большая кампания, в основе которой лежит сопоставление пяти главных ценностей в США и мусульманских странах. Общим оказался только один параметр — семья и дети. Поэтому информационные потоки были ориентированы на рассказ о реализации этого параметра в США, например, демонстрировались счастливые мусульманские семьи в США.

Британский think tank Институт правительства собрал подобные современные подходы, чтобы определить это т. н. пространство разума — Mindspace (Mindspace // www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/MINDSPACE.pdf и здесь). Первыми целями стали: борьба с преступностью, ожирением, за здоровую экологию. Создан отдельный сайт, где собираются практические исследования в этой сфере — www.mindspace-online.org. Соответствующую работу ведет и французский правительственный центр стратегического анализа (caïm — <http://www.strategie.gouv.fr/en>). В нем даже были изданы два исследования на тему перехода от фантастики к реальности. Причем если Великобритания активно опирается на чужие разработки, например, Р. Талера (Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge. Improving decisions about health, wealth and happiness. — New York, 2009) или Р. Чалдини (Чалдини Р. Психология влияния. — СПб., 1999), приглашая их к сотрудничеству, то Франция имеет собственные исследования такого нейropsychолога, как А. Улье (Policy brief 216. Nudges green: new incentives for green behavior // archives.strategie.gouv.fr/en/content/policy-brief-216-nudges-green-new-incentives-green-behavior-march-2011, The brain and the law of practice ethical neurodroit // archives.strategie.gouv.fr/en/content/brain-and-law-and-practice-ethical-neurodroit-policy-brief-282-september-2012, New approaches to public health prevention — The contribution of behavioral science, cognitive and neuroscience // archives.strategie.gouv.fr/en/content/new-approaches-public-health-prevention-contribution-behavioral-science-cognitive-and-neuros).

Англичане даже взяли такую проблему, как игнорирование больными запланированной встречи. Поскольку люди не сообщают об отмене встречи с врачом, это время не может быть использовано для встречи с другим пациентом. По всей стране это в результате составляет 6 миллионов встреч, которые не состоялись и которые стоят 700—800 миллионов фунтов. Исследования, кстати, показали: если человека попросить записать на бумаге время предстоящей встречи, количество случаев игнорирования уменьшается в три-четыре раза.

В свое время много говорилось о разной роли в мышлении человека двух полушарий мозга. Сегодня Я. Макгилхрист написал книгу не просто о двух полушариях мозга, а о том, как доминирование того или иного полушария формировало цивилизацию (западную) (см. его сайт — www.iaimcgilchrist.com). Левое полушарие считается доминантным, поэтому он называет это левым шовинизмом. При этом правое отвечает за общую картину, а левое — за детали. Правое знает, что делает левое, а не наоборот. Полагаясь только на взгляд левого полушария, мы строим мир жесткой рациональности, поскольку правое отвечает за эмпатию, за общественность, за красоту.

Учитывая это мы можем сделать вывод по нашей теме — антропологическая революция может заключаться в изменении доминирования левого или правого полушария. Ведь Макгилхрист пишет об отсутствии протеста в определенные периоды истории, объясняя это именно доминированием правого полушария, поскольку именно левая видит детали.

Я. Макгилхрист подчеркивает, что сложность мира отходит в сторону при линейном взгляде левого полушария. Правое полушарие рассматривает мир как сложный, вместо четких механизмов теперь видятся взаимосвязи, живые структуры. Правое полушарие понимает невербальное, метафорическое, ироническое или юмористическое. Вывод автора: нам нужны два полушария и два взгляда на мир.

Он подчеркивает, что у нас имеется два типа внимания: один из них максимально сужает объект, что позволяет классифицировать его. Это хорошо для манипуляции миром, но